

Наконец, Сун Чэн и Цинь Унянь вместе выбросили просроченные продукты, после чего, голодные, стали ждать доставки еды.

Заказать готовую еду было идеей Цинь Уняня: он чувствовал, что Сун Чэн всё еще пребывает в раздраженном состоянии, и если заставить его готовить сейчас, тот, чего доброго, снова разозлится. А заставить готовить самого Цинь Уняня было и вовсе невозможно.

Второго молодого господина стихии преследовали на кухне по всем фронтам, и поручить ему готовку было всё равно что отправить на рудники устраивать направленный взрыв.

Курьер предъявил удостоверение личности, лишь после этого смог протащить большой пакет с едой на территорию жилого комплекса. Едва прозвенел дверной звонок, как дверь распахнулась настежь: курьер даже не успел разглядеть хозяина квартиры, как еду у него из рук молниеносно выхватили, бросив на ходу скоростное «спасибо».

Курьер: «.....»

Было уже три часа дня. Они не стали садиться за обеденный стол, а устроились прямо у кухонного островного стола. Цинь Унянь молча наблюдал, как Сун Чэн быстро ест.

Он подвинул к Сун Чэню только что налитый стакан воды: — Ешь медленнее, никто же у тебя не отбирает.

Сун Чэн взял стакан и в несколько жадных глотков опустошил наполовину. Почувствовав, что в желудке перестало так сильно сосать, он поднял голову: — А ты не будешь?

Цинь Унянь не хотел есть. У него вечно был плохой аппетит: проголодается — сделает пару глотков, а нет — так и не притронется. Частота его приема пищи была ниже, чем частота употребления протеинового коктейля.

Он неопределенно ответил: — Я еще расту.

Прошло четыре года, но эти привычки, казалось, ничуть не изменились — или, по крайней мере, так выглядели со стороны.

Сун Чэн: «.....»

Его лицо слегка порозовело: он понимал, что сморозил какую-то чушь, но признавать этого не хотел и потому недовольно воззрился на Цинь Уняня: — Не мог нормально ответить?

Однако, заметив в глазах Сун Чэня проблеск надежды, Цинь Унянь протянул руку и тоже взял палочки для еды.

Это шоу называлось «То лето после расставания». Название дали потому, что проект выходил в эфир в августе, в самый разгар лета. Но чего Сун Чэн не знал, так это того, что они с Цинь Унянь расстались тоже летом, поэтому, глядя на название шоу, висевшее на стене, Цинь Унянь задержался на нем взглядом на пару секунд.

Местом для съемки промо-материалов была выбрана главная съемочная площадка шоу: съемочная группа арендовала зону отдыха площадью восемьсот квадратных метров на каком-то курорте в пригороде. Когда они прибыли, режиссер-постановщик как раз руководил расстановкой декораций.

Движения Сун Чэня замерли. Он и сам не помнил, что раньше ел так мало.

Он продолжал накладывать еду и с недоумением спросил Сун Чэня: — С чего это у тебя теперь такой аппетит?

А Цинь Унянь тем временем, на мгновение погрузившись в задумчивость, вспомнил прошлое — те годы, когда Сун Чэн еще учился.

Тогда он действительно говорил не так язвительно. А если в его словах и проскальзывали иголки, то это были те самые иголки, которые Сун Чэню нравились: от них хотелось смеяться, а не злиться.

Утром они подписали контракт, а уже вечером режиссер связался с ними, сообщив, что завтра нужно ехать на съемку промо-фотографий. Официальный аккаунт в Weibo уже начал продвижение, выкладывая по одной паре в день; они были последними в очереди, так что пришло и их время.

— В двадцать три года пережить третий скачок роста — в следующей редакции истории человечества обязательно должно быть твое имя.

Цинь Унянь с восхищением взглянул на него: — Да уж, медицинское чудо, ничего не скажешь.

Характер Цинь Уняня со времен детского сада не располагал к себе людей. До четырнадцати лет у него почти не было друзей, а после четырнадцати, когда он наконец вымахал и возмужал, вокруг него закрутилось много народа, но по-настоящему сойтись с кем-то он так и не смог.

То прошлое, о котором говорил Сун Чэн, существовало лишь на страницах его дневника. Каким же замечательным был тогда Цинь Унянь! Он заботился о нем, учил жить, был нежным и зрелым, заставляя каждую секунду чувствовать себя любимым.

Только Сун Чэн умел разглядеть фальшь за словами Цинь Уняня, умел отличать правду от лжи, а его собственные неприятные привычки в присутствии Сун Чэня преображались сами собой: острые шипы смягчались, запах пороха сменялся ароматом роз, а упрямое своеобразие

превращалось в неуклюжую заботу.

Цинь Унянь замер, собираясь что-то сказать, но тут увидел, как сидевший напротив Сун Чэн опустил голову и с легкой обидой в голосе произнес: — Раньше ты совсем другим был.

Шоу о расставании — это не романтическое реалити-шоу. На съемках промо-фотографий тут не особо церемонились с «химией» между партнерами: в основном всех снимали по одиночке, а если и делали совместные кадры, то держались на почтительном расстоянии и с отстраненными выражениями лиц. Сун Чэн впервые участвовал в подобном и съемочная группа заставляла его принимать самые разные позы целую вечность. Наконец они отстрелялись и вышли на улицу. Там на площадке стояло несколько незнакомых минивэнов, из которых как раз выходили люди, получившие указание режиссера.

Три машины принадлежали двум знаменитым актрисам: одной была звезда первой величины Ян Цин, другой — бывшая топ-модель Чжао Фэйфэй. В отличие от Цинь Уняня, за которым следовал всего один помощник, этих двоих сопровождала целая свита. Особенно выделялась Ян Цин — за ней шла толпа по меньшей мере из семи-восьми ассистентов, целая туча народу. Обе процессии двигались к павильону, и неизбежно должны были столкнуться на полпути.

У Чжао Фэйфэй свита была поскромнее, чем у Ян Цин, но зато присутствовало железобетонное присутствие духа. Бывшая модель звалась таковой не просто так — она одна шагала с таким царственным видом, словно за ней шла целая армия. Столкнувшись с Ян Цин, она чуть приподняла веки, равнодушно скользнула по сопернице взглядом и продолжила путь. Выражение лица Ян Цин не изменилось, она лишь мазнула глазами по ногам Чжао Фэйфэй. Ее ассистенты тут же уловили этот сигнал: один из них резко протиснулся вперед Чжао Фэйфэй, остальные последовали за ним, оттесняя ту назад, и процессия во главе с Ян Цин прошла мимо. Сун Чэн четко видел, как перед самым входом Ян Цин бросила на Чжао Фэйфэй победный и вызывающий взгляд.

Сун Чэн: — Ого.

Они еще даже ничего не сняли, а в воздухе уже искры летали.

Цинь Унянь: — Когда начнется съемка, держись от них подальше.

Сун Чэн поднял голову и озадаченно спросил: — Почему это?

Цинь Унянь посмотрел на него: — Боюсь, они подерутся, а в итоге пострадаешь ты.

Сун Чэн: — ...

Он рассмеялся: — Да ну, быть того не может! У них же сценарий, на съемочной площадке они так себя вести не будут.

Сказав это, он и сам засомневался: — Я ведь прав, да?

Цинь Унянь посмотрел на него и легко улыбнулся.

Сун Чэн: «.....»

Как только съемочная группа объявила об участии Цинь Уняня и Сун Чэня в шоу, режиссер окончательно утвердил даты съемок: они начнутся со следующего вторника и завершатся к четвергу через неделю. Сначала все собираются на главной площадке. Накануне каждого съемочного дня режиссер-постановщик будет рассылать всем расписание и сценарий на следующий день. Сценарием это можно было назвать лишь условно — скорее, в нем просто указывалось, в каком ключе следует себя вести, а дальше каждый импровизировал на ходу: в конце концов, нельзя же играть слишком фальшиво, иначе зрители просто не поверят.

Чем занимались остальные участники, получив известия, Сун Чэн не знал. Он знал лишь одно: они с Цинь Унянем весь вечер просидели в интернете, изучая комментарии.

Шум вокруг скандала с домашним насилием слегка утих, но стоило появиться новости об участии Цинь Уняня в шоу, как страсти разгорелись с новой силой. С тех пор как ассистент опубликовал на Weibo официальное заявление от имени Цинь Уняня, Чжоу Цингэ словно воды в рот набрала — от нее больше не было ни звука. Тем не менее, ее фанаты оставались верны своей любимице до конца и ежедневно исправно приходили на страницу Цинь Уняня, чтобы полить его грязью.

Обнаружив, что он собирается тащить на шоу еще и Сун Чэня, эта армия поклонников гурьбой ринулась под пост официального аккаунта шоу, клеймя создателей за беспринципность и попытки отмыть репутацию Цинь Уняня.

Фанаты Цинь Уняня тоже не собирались сдавать позиции: вооружившись клавиатурами, они ринулись в бой с неприятелем, и вскоре комментарии под официальным постом превратились в настоящее поле боя.

Цинь Унянь явно обладал куда большим опытом в подобных делах, чем Сун Чэн: изучив комментарии, он перешел к фан-пабликам, оттуда — к ленте новостей в реальном времени, охватив все фронты, чтобы составить полное представление о том, как публика воспринимает его в данный момент.

А Сун Чэн все еще продолжал тупо листать комментарии вниз. Видя бесконечную грызню двух фандомов, где никто не хотел уступать, да еще и кучу зевак, подливающих масла в огонь, он не выдержал, поднял голову и спросил Цинь Уняня: — Раз эта история так сильно на тебя влияет, неужели ты не можешь подать на нее в суд?

Цинь Унянь давно перерос пик своей ярости, к тому же, честно говоря, за эти годы его столько раз поливали грязью, что он уже привык. Это Сун Чэн, столкнувшись с подобным внезапно,

счел их поведение за пределами. Но по меркам Цинь Уняня сейчас всё было еще не так плохо: ругающих его хватало, но тех, кто выступал в защиту, оказалось куда больше — и всё это благодаря появлению Сун Чэня.

Он вытянул длинные ножища, закинув их на пуфик словно какой-то барин, откинул голову на подголовник и, не отрывая глаз от экрана поднятого телефона, ответил Сун Чэню: — Судиться с ней особого толку нет.

Сун Чэн с ним не согласился: — Как это нет? Ты точно выиграешь!

Цинь Унянь на секунду прервал скроллинг ленты, опустил руку и повернул голову к Сун Чэню.

Заметив этот взгляд, Сун Чэн решил, что его слова подействовали, и торопливо продолжил: — Споры о защите чести и достоинства — это гражданский иск. Доказательств, которые ты можешь предоставить, на самом деле более чем достаточно, видеозапись с камер тех лет вовсе не обязательна. Видео — это аудиовизуальное доказательство, ее сопливые постыющиеся простыни — письменное доказательство, оскорбления фанатов — электронное доказательство. Плюс твои показания как непосредственного участника и я... Я могу помочь составить свидетельские показания. Если всё это сложить вместе, она проиграет стопроцентно!

Дослушав его пламенную речь, Цинь Унянь только хмыкнул.

Сун Чэн опешил, так и не поняв, возымели ли его слова хоть какое-то действие.

Цинь Унянь неторопливо приподнялся, устремив взгляд на Сун Чэня, и лишь спустя пару мгновений заговорил: — Будь это исключительно нашим с Чжоу Цингэ личным делом, я бы, как ты и говоришь, подал в суд, не откладывая ни на секунду. Но ситуация зашла слишком далеко, и просто выиграть заведомо выигрышное дело для меня и моих фанатов уже недостаточно. Теперь я лишь радуюсь тому, что закон — это мой последний рубеж обороны, а не единственный.

Сун Чэн изначально хотел убедить Цинь Уняня, но в итоге сам проникся его словами, особенно последней фразой, которая показалась ему невероятно мудрой.

Его глаза при взгляде на Цинь Уняня даже засияли: — Какой же ты рассудительный.

Однако на лице Цинь Уняня не отразилось ни тени гордости от похвалы — вместо этого он посмотрел на него странным взглядом.

Помилуй бог, так хвалить самого себя — это уже перебор.